

A full-length portrait of an elderly man with a white beard and mustache, wearing a dark top hat and a long, dark Victorian-style coat over a waistcoat and bow tie. He stands in a doorway with ornate woodwork and a stained glass window featuring a vine pattern in the background.

Сергей Райский

Бойся быть бескорыстным!

18+

Сергей Райский

Бойся быть бескорыстным!

«Автор»

2026

Райский С.

Бойся быть бескорыстным! / С. Райский — «Автор», 2026

«Вчера я засунул сто рублей под дверь бедной вдове... И шо ты думаешь? Я совершил чистейший акт корысти! За жалкую сотню я купил себе ощущение, будто я барон Ротшильд!» Мы привыкли считать бескорыстие абсолютной добродетелью. Но что, если за ним скрывается лишь тонкая гордыня и эгоистичное желание погладить собственное эго? Автор этой книги предлагает парадоксальную, но глубоко гуманную мысль: абсолютного альтруизма нет в природе. Наша главная «корысть» при совершении добрых дел — это гигантская Душевная Потребность в Совершении Добра. Без тех, кто принимает нашу помощь, эта потребность обречена на голод. Суровый философский манифест здесь виртуозно переплетается с сочной художественной прозой. Вы перенесетесь на одесский Привоз 1910 года, где колоритные Фима и Моня спорят о цене катарсиса, дофамина и человеческой души. Умная книга, которая лечит от ложной святости.

© Райский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Бойся быть бескорыстным!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Райский

Бойся быть бескорыстным!

Глава

Бойся быть бескорыстным!

Сергей Райский

БОЙСЯ БЫТЬ БЕСКОРЫСТНЫМ! Часть 1. Манифест потребности «Бойся быть бескорыстным» — это размышление о том, как стремление к абсолютной бескорыстности может скрывать гордыню и желание контроля, а не истинную доброту. Подлинное благородство заключается в умении отдавать безвозмездно, принимая при этом собственную уязвимость и не требуя признания.

Мысль может показаться крамольной, но рискну: бескорыстного добра — нет в природе. Когда мы делаем кому-то добро, не ожидая ни благодарности, ни ответных добрых поступков, у нас есть корысть. И она на поверхности: нам очень нужны поводы, чтобы совершать добрые поступки; нам очень нужны люди, чтобы проявлять великодушие, сострадание, чуткость. Такова наша природа: мы **ЛЮБИМ** творить добро. Нам **НРАВИТСЯ** помогать кому-то. Мы не знаем большего кайфа, чем когда получилось сотворить добро. И нет ничего для нас приятнее, чем когда от этого поёт душа. Это между нами не принято, а жаль: совершая добрый поступок, говорить спасибо человеку, для кого мы его совершаем — за то, что он позволил сотворить для него добро. Ведь если бы человек не принял, если бы запретил сделать ему что-то доброе, то самая сильная наша потребность: творить добро — была бы не удовлетворена. Понимая это, начинаешь чувствовать себя обязанным всем тем, кто принял от тебя добро — ведь именно благодаря этим людям множатся плюсы в твоей карме. Именно чувство признательности к тем, кто принял от тебя добро, отучает совершать «бескорыстные» поступки — и всегда помнить: корысть у тебя есть. Имя ей: Душевная Потребность в Совершении Добра. Почувствуй масштаб корысти — он гигантский! Попутно обратная сторона медали: принимая помощь — не считать, что попадаешь в зависимость. Принимая помощь, мы творим ещё большее добро. Потому что, принимая от кого-то помощь, мы помогаем душе этого человека. Что-то может быть более важным?

Часть 2. Корысть за мелкий прайс (Одесса, Привоз, 1910 год) В Одессе начала XX века каждым прилавком сидел свой Спиноза, а каждая сделка с соленой скумбрией была пропитана вековой житейской мудростью. Давай перенесем наших героев под палящее солнце Привоза, поближе к рыбным рядам, где пахнет морем, чесночной колбасой и большими деньгами. Фима аккуратно поправил соломенное канотье, достал из кармана жилетки шелковую тряпочку и благоговейно протёр лакированный носок штиблета. На прилавке перед ним лежала свежайшая, серебрящаяся на солнце дунайская селедка. — Моня, я имею тебе сказать вещь, от которой у тебя встанут волосы даже там, где ты их уже три года как потерял, — вкрадчиво произнёс Фима, выпуская изо рта ароматный дым дорогой контрабандной папиросы «Сальве». — Вчера я совершенно анонимно засунул сто рублей под дверь бедной вдове старого Хаима-кожевника. И шо ты думаешь? Я совершил чистейший акт корысти! Моя душа пела так громко, Моня, что Изя-скрипач с Дерибасовской умер бы от зависти. За жалкую сотню я купил себе целую неделю ощущения, будто я не мелкий маклер, а сам барон Ротшильд! Вдова — моя благодетельница, Моня, она позволила мне сделать себе божественный дофамин! Моня медленно перевернул на весах жирного карпа, посмотрел на Фиму взглядом человека, который знает цену жизни, и поправил фартук. — Фима, твоя корысть поэтична и глупа, как романсы, которые поют девицы на Молдаванке за стакан аперитива, — вздохнул Моня. — Ты тратишь наличные рубли на душевный воздух, как матрос в первом портовом кабаке. Моя корысть имеет под собой твёрдую почву и процент в банке! Когда я вчера бесплатно отдал свой старый сарай погорельцу Сёме, я не просто делал красивое лицо для Бога. Я сделал две вещи. Во-первых, Сёма — лучший сапожник отсюда и до самого Херсона. И теперь мои туфли будут иметь бесплатный ремонт до тех пор, пока Сёма не забудет, как держать шило. А во-вторых,

весь Привоз теперь кричит, какой Моня святой человек, и городской... шоб он был нам здоров... сегодня утром постеснялся взять с меня обычный рубль за место! Добро, Фима, — это самые надёжные акции на одесской бирже, если ты умеешь правильно крутить этот гешефт! В этот момент сквозь толпу, расталкивая торговков с криками «Дорогу миллионеру!», прорвался тот самый погорелец Сёма. Его глаза горели, как два одесских маяка.— Мистер Моня! Мистер Фима! Нажмите себе на тормоза, я имею вам сказать такой цимес! — закричал сапожник, вытирая пот со лба. — Помните тот гнилой сарай, который вы мне так красиво подарили неделю назад, Моня? Так вот, Сёма имеет вам сказать спасибо! Сегодня утром акционерное общество «Конка» объявило, что им срочно нужен именно этот кусок земли под новые рельсы! Они выкупили у меня ваш сарай за сумасшедшие две тысячи рублей золотом! Я уже зажал эти деньги в кармане! И на радостях я нанял вдову Хаима-кожевника готовить мне фаршированную рыбу. А она рассказала, Фима, шо какой-то идиёт вчера подбросил ей под дверь конверт со сторублёвой купюрой... но фальшивой, из тех, шо печатает Лева с Молдаванки, для забавы! Фима, старая вдова просила передать, шо если ты не принесёшь ей настоящий столтник, она расскажет твоей маме, из какого материала сделаны твои благородные чувства! Сёма умчался покупать себе лаковые сапоги, оставив рыбный ряд в такой тишине, будто на Привозе внезапно кончилась вся рыба. Фима медленно повернул голову к Моне. Моня, чей «высокодоходный гешефт» только что подарил сапожнику состояние, молча посмотрел на своего карпа, вздохнул и тихо сказал:— Фима... Будь другом, одолжи мне папироску «Сальве». Мои акции только что утонули в Чёрном море, а вдова Хаима, кажется, имеет на нас более верный юридический взгляд, чем вся наша философия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.